

ДУХОВНОСТЬ КАК КАТЕГОРИЯ МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА И ОБРАЗОВАНИЯ

Л. А. Рапацкая,

Московский педагогический государственный университет (МПГУ),
Москва, Российская Федерация, 119991

Аннотация. Постмодернистская методология, повлиявшая на развитие гуманитарных наук XXI века, приучает исследователей свободно использовать любые понятия и определения вне изначального смыслового контекста. Автор статьи, оппонировав подобной практике, защищает традиционные методологические устои отечественной педагогики музыкального образования, обозначив проблему многозначности и противоречивости понимания категории духовности в современных музыкально-педагогических исследованиях. Выявление изначальных смыслов и уточнение категориальной специфики духовности невозможно вне богословских источников, запечатлевших «механизмы» многовекового опыта духовного познания мира и человека. Признавая духовность как высшую реальность человеческого бытия, высказывается предположение, что в педагогике музыкального образования данная категория является основанием для диалога научного и религиозного знания. Научная трактовка категории духовности в музыкальном искусстве и образовании невозможна вне правильного «перевода» богословских педагогических установок на язык музыки и музыкального творчества. Историко-культурологический анализ духовности как «сверхпонятия» бытия музыки раскрывается через воплощение «надреальных» религиозных смыслов в реальных звуковых «аналогах». Обращение к русскому музыкальному наследию позволило выделить значимые тенденции соотношения «духовного» и «художественного». Первая тенденция – доминирование духовности в храмовой музыке. Она подтверждена рождением художественного канона православного храмового пения, подчёркивающего смысловую глубину и благодать текстов молитв. В статье выделены нормы воплощения духовности в музыке, рождённые в недрах теории её «богодуховного» происхождения, а также временная цикличность возрождения духовной доминанты в явлении «Православного музыкального ренессанса». Другая тенденция связана с освоением духовности в светских музыкальных жанрах. В статье отмечена неоднозначность соприкосновения «духовного» и «художественного» в светской музыке, смысловое многообразие в претворе-

нии духовности русскими композиторами от евангельского её понимания до мистических «авторских» трактовок. Преобразование в общественном сознании России содержательных составляющих духовности в нравственность и их дальнейшее взаимодействие способствовали становлению ныне распространённых, но явно недостаточно исследованных понятий «духовно-нравственное воспитание» и «духовно-нравственная культура». В содержании современного музыкально-педагогического образования в большей мере учитывается нравственная составляющая вне её духовного контекста. Всё сказанное свидетельствует о необходимости разработки новой программы педагогической магистратуры, учитывающей следующие взаимосвязанные факторы: многовековой опыт воплощения духовности в музыкальном искусстве, светский характер подготовки будущих учителей музыки.

Ключевые слова: духовность, богословская трактовка духовности, историко-культурологический анализ, русская храмовая музыка, трактовка духовности в светских музыкальных жанрах, педагогика музыкального образования, нравственность, духовно-нравственная культура, духовно-нравственное воспитание, содержание современного музыкально-педагогического образования.

Благодарности: Статья выполнена в контексте научной работы кафедры методологии и технологий педагогики музыкального образования Института изящных искусств Московского педагогического государственного университета. Автор благодарен преподавателям кафедры во главе с доктором педагогических наук, профессором Э. Б. Абдуллиным за обсуждение данного материала и ценные советы.

Для цитирования: Рапацкая Л. А. Духовность как категория музыкального искусства и образования // Музыкальное искусство и образование / Musical Art and Education. 2020. Т. 8. № 2. С. 34–53. DOI: 10.31862/2309-1428-2020-8-2-34-53.

DOI: 10.31862/2309-1428-2020-8-2-34-53

SPIRITUALITY AS A CATEGORY OF MUSICAL ART AND EDUCATION

Lyudmila A. Rapatskaya,

Moscow Pedagogical State University (MPGU),
Moscow, Russian Federation, 119991

Abstract. Postmodern methodology, which influenced the development of the human sciences of the XXI century, teaches researchers to freely use any concepts and definitions outside of the original semantic context.

The author of the article, opposing this practice, defends the traditional methodological foundations of the national pedagogy of music education, identifying the problem of ambiguity and inconsistency of understanding the category of spirituality in modern music and pedagogical research. Identification of the original meanings and clarification of the categorical specifics of spirituality is impossible outside of theological sources that capture the “mechanisms” of centuries-old experience of spiritual knowledge of the world and man. Recognizing the spirituality as the highest reality of human existence, it is suggested that in the pedagogy of music education this category is the basis for a dialogue of scientific and religious knowledge. Scientific interpretation of the category of spirituality in musical art and education is impossible without the correct “translation” of theological pedagogical attitudes into the language of music and musical creativity. Historical and cultural analysis of spirituality as a “super-understanding” of the existence of music is revealed using a comparison of religious meanings with the real sound “analogs”. The appeal to the Russian musical heritage allowed us to identify significant trends between “spiritual” and “artistic”. The first trend is the dominance of spirituality in temple music. It is confirmed by the birth of the artistic Canon of Orthodox temple singing, which emphasizes the semantic depth and grace of prayer texts. The article highlights the norms of the embodiment of spirituality in music, born in the bowels of the theory of its “inspired” origin, as well as the time cycle of the revival of the spiritual dominant in the phenomenon of the “Orthodox musical Renaissance”. Another trend is related to the development of spirituality in secular musical genres. The article notes the ambiguity of the contact between “spiritual” and “artistic” in secular music, the semantic diversity in the implementation of spirituality by Russian composers from its Evangelical understanding to mystical “author’s” interpretations. The transformation of the content components of spirituality into morality in the public consciousness of Russia and their further interaction contributed to the formation of the now widespread, but clearly insufficiently researched concepts of “spiritual and moral education” and “spiritual and moral culture”. In the content of modern music and pedagogical education, the moral component outside of its spiritual context is taken into account to a greater extent. All the above points to the need to develop a new master’s degree program that takes into account the following interrelated factors: the centuries-old experience of embodying spirituality in the musical art, the secular nature of the training of future music teachers.

Keywords: spirituality, theological interpretation of spirituality, historical and cultural analysis, Russian temple music, interpretation of spirituality in secular musical genres, pedagogy of music education, morality, spiritual and moral culture, spiritual and moral education, content of modern music and pedagogical education.

Acknowledgements: The article was prepared within the context of scientific research of the Department of Methodology and Technology of Pedagogy of Music Education of the Institute of Fine Arts of the Moscow Pedagogical State University (MPGU). The author is grateful to the lecturers of the Department and professor Eduard Abdullin for discussion and valuable advice for this publication.

For citation: Rapatskaya L. A. Spirituality as a Category of Musical Art and Education. *Muzykal'noe iskusstvo i obrazovanie = Musical Art and Education*. 2020, vol. 8, no. 2, pp. 34–53 (in Russian). DOI: 10.31862/2309-1428-2020-8-2-34-53.

Расщепление разума, воли и сердца обессилило
человеческий дух. Мы пожинаем сегодня горькие плоды
самодовлеющей секулярной картины мироздания...

Алексий II [1, с. 13]

Во всём мне хочется дойти до самой сути...

Б. Л. Пастернак [2]

Предисловие. О многозначности понятия «духовность» и противоречиях светского педагогического знания

В этой работе будут звучать голоса великих мыслителей, богословов, музыковедов, композиторов, художников разных веков, наследие которых, по замыслу автора, обогащает педагогику музыкального образования осознанием глубинных духовных смыслов человеческого Бытия. Обращённость к столь разнохарактерным источникам продиктована насущной необходимостью разорвать «порочный круг» жонглирования термином «духовность», который ранее принадлежал исключительно религиозному знанию, а сегодня привычно, «всую», трактуется как научная педагогическая категория, сопоставимая, в том числе, с другими общими понятиями теории обу-

чения и воспитания. Даже в текстах магистерских или кандидатских диссертационных работ можно повсеместно встретить этот ныне модный термин в красивой словесной «упаковке» вне какой-либо расшифровки (духовность как нравственность, духовность как культура личности, духовность как одна из целей реализации авторской методики и др.). Почему? Потому что, если очистить «горизонты педагогики» от сиюминутных терминологических наслоений и рассмотреть категорию духовности как производную от понятия «дух», то есть в её исконном религиозном понимании, возникает противоречивая картина, говорящая, вернее – вопиющая, о том, насколько сложно сегодня воссоединить некогда разорванные связи Божественного и земного в светской науке.

В контексте грустных размышлений о «самодовлеющей секулярной

картине мироздания» (о чём напоминает первый эпитаф) рождается мысль и о некоей недосказанности серьёзных музыковедческих и музыкально-педагогических публикаций. Конечно же, речь не идёт об исследованиях, посвящённых историко-теоретическим анализам христианской храмовой музыки или методикам её преподавания. В этой области сделано немало, достаточно назвать таких авторов, как И. В. Кошмина [3], В. И. Мартынов [4], Е. В. Николаева [5], З. В. Фомина и А. А. Морозова [6], Л. В. Шишкина [7] и др. В данном случае имеется в виду массив научной литературы, авторы которой словно застыли у порога открытых дверей, ведущих в пространство более древнего и глубокого музыкально-педагогического знания, автор которого – Творец. При этом педагогические плоды некогда запрещённого в нашей стране христианства давно открыты, доступны для изучения, о чём свидетельствуют, в частности, работы в области общей педагогики (например, исследование В. Г. Александровой [8]).

Завершим введение кратким резюме: для того чтобы избежать многозначности и противоречивости понимания категории духовности, необходимо обратить внимание на её изначальные смыслы и попытаться интерпретировать эти смыслы в содержании музыкального искусства и музыкально-педагогического образования.

Категория духовности в российском культурном и педагогическом пространстве

Зададимся важными, с методологической точки зрения, вопросами:

стоит ли вообще «ломать копья» вокруг ныне уже привычного понятия духовности в исследованиях насущных музыкально-педагогических проблем? Надо ли обращаться к трудам современных богословов или, если хотим следовать призыву Б. Л. Пастернака «дойти до самой сути» [2], к древним первоисточникам, к Евангелию и его толкованиям в патристике? На наш взгляд, *уточнение категориальной специфики духовности остаётся, быть может, одной из самых важных и актуальных проблем педагогики музыкального образования, испокон веков тяготеющей к преодолению «расщепления разума, воли и сердца» человеческого «я» с помощью неизреченного и нематериального искусства звуков.* Из этой очевидности рождается и неиссякаемое тяготение современных музыкантов-исследователей к использованию термина «духовность», и зыбкая смысловая неопределённость этой категории, рождённая привычным замалчиванием (а чаще всего – незнанием) её изначальных высоких смыслов.

Результат постмодернистской научной практики XX–XXI веков, причувившей нас свободно использовать любые понятия и определения, «выдернув» их из изначального смыслового контекста, сопоставим с приговором, некогда прозвучавшим в бессмертных строках Ф. И. Тютчева: «Не плоть, а дух растлился в наши дни...» [9, с. 40]. Отрекаясь от подобных исследовательских методик, укажем на наличие большого числа не только древних, но и современных богословских источников, запечатлевших «механизм» многовекового опыта духовного познания мира. Сре-

ди них выделим небольшое, но ёмкое по смыслу исследование русского хирурга, архиепископа Луки Войно-Ясенецкого «Дух, душа, тело». Написанная великим учёным и святым в XX веке, эта работа лишена какой-либо мистики и основана на личном научном опыте познания духовности как реальности человеческой жизни. Автор пишет: «Что мы знаем о духе? Довольно много из Священного Писания и немало из явлений духа в природе и человеке» [10, с. 57]. Далее он излагает научные доказательства существования трёх «ипостасей» человека в сочетании духовного, душевного и телесного. Запомним важную мысль богослова: «Мир имеет своё начало в любви Божией, и если людям дан закон: “Будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный”, то конечно, должна быть дана и возможность осуществления этой заповеди, возможность бесконечного совершенствования духа» [10, с. 155].

Как известно, любая теория считается истинной, если она подтверждена практикой. Опираясь на Священное Писание, авторы христианской литературы с древности изучали процесс «бесконечного совершенствования духа» и становление духовности человека. Эта проблема рассматривалась не только в теоретическом, но и практическом (по сути, в педагогическом) русле как органичная составляющая вероучения о человеке. Многовековой религиозный опыт познания духовности дал бесценные результаты. Если обратиться к публикациям не столь отдалённого от нас времени, то несложно убедиться: великие христианские подвижники XIX – XX веков были уверены, что духовность лич-

ности достигается не только усилиями семьи, церкви, школы, государства, то есть действиями «извне». Она рождается в процессе постоянной бескомпромиссной внутренней борьбы человека с самим собой, с теми мучительными духовными болезнями, которые христианские вероучители называют страстями. Достаточно подробно и доступно для современного восприятия эти болезни проанализировал русский святитель Феофан Затворник, раскрыв сущность таких пороков, как чревоугодие, блуд, гнев, осуждение, корыстолюбие, зависть, тщеславие, гордость и др. [11]. Стоит обратить внимание и на тот факт, что в христианской богословской литературе не только описаны сами болезни (часто связываемые с проявлением «бездуховности»), но и даны практические педагогические советы по искоренению страстей на пути духовного выздоровления личности. Святитель Игнатий Брянчанинов пишет: «За покаяние Бог дарует прощение грехов и доступ к себе. <...> Дух человеческий, пришедший в это состояние, вступает в общение с Духом Божиим, в чём и заключается обновление и спасение человека» [12, с. 175–176]. Святой Иоанн Кронштадский, размышляя о воспитании «благих духовных порывов и стремлений», предлагал следовать следующим кратким правилам: «Надо возвышать и любить все духовные порывы и стремления к молитве, чтению слова Божия, к духовным беседам, к любви, состраданию. Милосердию, чистоте, воздержанию, смирению» [13, с. 219]. Иначе говоря, в богословско-педагогических установках христианства подлинными кри-

териями духовности являются не устаревающие в веках евангельские добродетели – любовь, милосердие, целомудрие, сострадание, воздержание, смирение...

Конечно же, не только работы упомянутых выше авторов, но и большая часть научной литературы, в том числе созданной на грани религиозного и секулярного мировидения, дают основание утверждать: категория духовности в российском культурном и педагогическом пространстве нераздельно связана с христианским вероучением. Духовность не является ни абстракцией, удобной для постановки исследовательских педагогических проблем, ни «рядоположенным» научным термином в перечислении различных достоинств личности. Признавая духовность как высшую реальность человеческого бытия, можно предположить, что в педагогике данная категория предстаёт как древнее и надёжное основание диалога научного и религиозного познания. Очевидно также, что научная трактовка категории духовности в музыкальном искусстве и образовании ориентирует на «перевод» богословских открытий на язык музыки, музыкального творчества, музыкально-педагогической науки. Возможен ли такой «перевод», учитывающий как позитивный, так и обозначенный выше негативный исследовательский опыт, накопленный в современной педагогической литературе? Отвечая на этот вопрос, мы пришли к следующим предварительным выводам.

Методологические установки, научно обоснованные Э. Б. Абдуллиным применительно к педагогике музыкального образования [14], позволяют

признать, что исследование категории духовности имеет различные уровни обобщений. Поэтому далее духовность следует проанализировать, во-первых, как «сверхпонятие» бытия музыки, как доминирующую историко-культурологическую тенденцию её развития, обусловленную диалогом «духовного» и «художественного» в музыкальном искусстве. Во-вторых, необходимо определить истоки взаимосвязи духовности и нравственности в музыкально-педагогическом пространстве и перспективы развития духовной составляющей в содержании современного музыкально-педагогического образования.

В поисках духовности: историко-культурологический анализ соотношения «духовного» и «художественного» в музыке

Наш современник, мыслитель и учёный, протоиерей Александр Мень ещё в советские богоборческие времена возвысил голос в защиту духовной сущности искусства в её религиозном понимании. Он утверждал нераздельность христианской духовности и содержания великих художественных произведений, доказывал единство веры и культуры, изначальную близость христианского вероучения и искусства, поскольку «Библия... освящает и санкционирует своим авторитетом сам принцип человеческого творчества» [15, с. 246]. Но всегда ли сами творцы (писатели, композиторы, живописцы и др.) осознают нераздельность христианских духовных смыслов и художественных текстов? Для подтверждения и конкретизации позиции А. Меня возникла необходимость обратиться

к историко-культурологическому анализу духовности музыкального искусства, раскрывающегося через соотношение «надреальных» религиозных смыслов и его реальных звуковых «аналогов».

Историко-культурологический анализ является механизмом реализации культурологического подхода как одного из методологических оснований педагогики музыкального образования. Подчеркнём, что культурологический подход мы рассматриваем на основе понимания культуры как процесса возделывания «духовного человека» путём исполнения Божьих Заповедей. (Об изначальном, не искажённом со временем смысле понятия культуры как возделывания рая см.: Быт. 2:15.) В историко-культурологическом анализе мы будем опираться на русское музыкальное наследие, позволяющее выделить две наиболее яркие тенденции соотношения «духовного» и «художественного». Первая тенденция – доминирование духовности в храмовой музыке, вторая тенденция – освоение духовности в светских музыкальных жанрах. Рассмотрим их последовательно.

Тенденция доминирования духовности в храмовой музыке связана с рождением православного «богословия в звуках» как одной из парадигм русской культурной традиции X – первой половины XVII веков. Кульминация «богословия в звуках» – торжество устойчивого художественного канона православного храмового пения, системы норм и правил творчества, цель которого интонационно подчеркнуть смысловую глубину и благодать текстов молитв.

Древнерусское хоровое пение (которое в современной концертной

практике часто называют «духовным») достаточно глубоко изучено отечественными палеографами. Опираясь на результаты музыковедческих исследований, выделим фундаментальные культурологические основы «богословия в звуках» и сформировавшиеся средства художественной выразительности, направленные на претворение духовности в музыке. К ним относятся: признание «вторичности» красоты земных гимнов по отношению к ангельскому пению во Имя Господне; приоритет смысла богослужебного слова при его музыкальном «прочтении»; исключение из творческого процесса (композиторского, исполнительского) личностного начала. Но всё же главным достоянием «богословия в звуках», на наш взгляд, следует признать теорию «богодуховности» музыки, позаимствованную у греческих православных мыслителей и сохраняющую своё значение вплоть до наших дней. Как писал вероучитель Григорий Нисский, «безыскусственный напев сплетается с божественным словом ради того, чтобы само звучание и движение голоса изъясняло скрытый смысл, стоящий за словами...» [17, с. 107]. Важно добавить, что древнерусские богословы постоянно подчёркивали не только красоту, но и педагогическую значимость молитвенных песнопений, их влияние на формирование внутреннего мира человека. Исследователь Н. С. Серёгина приводит высказывание неизвестного летописца: «Единогласие и благочиние воистину есть красота церковная... и во время божественного пения душу приплодити, пользу получитьи» [18, с. 74].

Указанная традиция хорового одноголосного пения прервалась во

второй половине XVII века, но сама тенденция доминирования духовности, сложившаяся в древнерусском певческом искусстве, явилась поразительно жизнестойкой. Усилия отечественных композиторов по возвращению в творческую практику забытых и, казалось бы, архаичных древнерусских приёмов музыкального воплощения духовности характерны для переходных периодов в истории русской музыки. Так, например, в преддверии рождения русской классической композиторской школы XIX века Д. С. Бортнянский пытался восстановить древнерусскую певческую храмовую практику. Об этом свидетельствуют, в частности, его переложения одногласных распевов для четырёхголосного хора. Как считает музыковед М. Г. Рыцарева, идя по неизведанному пути, композитор «нашёл много интересных и стилистически оправданных приёмов в фактуре и принципах внутреннего гармонического развития» [19, с. 215].

42

Временная цикличность и устойчивость тенденции возрождения духовной доминанты русского музыкального искусства подтверждается явлением Православного музыкального ренессанса [20]. В процессе его исторического становления есть два этапа, совпадающие с судьбоносными переходными временами в истории России. Наиболее яркий этап – Серебряный век (80-е годы XIX века – два первых десятилетия XX века). Православный музыкальный ренессанс накануне краха Российской империи явился творческим «прорывом» к духовности как силе, способной сохранить в музыке традиционные ценности Бытия. К чис-

лу вершинных достижений Серебряного века относится творчество плеяды композиторов, воплотивших духовность в музыкальных произведениях не только церковного, но и концертного предназначения (С. В. Рахманинов, А. Т. Гречанинов, А. Д. Кастанальский, С. В. Смоленский, Н. Н. Черепнин, П. Г. Чесноков и др.). Вершина Православного музыкального ренессанса Серебряного века – школа Синодального училища, центр музыкально-теоретической, исполнительской, композиторской, педагогической мысли. Среди задач, успешно решённых «синодалами» – восстановление традиционных древнерусских распевов, освобождение их от гармонизации в «итальянском» стиле, создание и распространение переложений древне-церковных мелодий в российских приходах, концертное исполнение новых духовных композиций.

Второй этап Православного музыкального ренессанса (конец XX – первые десятилетия XXI веков) наступил спустя столетие. Он также связан с глобальными политическими потрясениями, финалом которых стало крушение огромной советской державы, построенной на базе материалистической идеологии. Первыми признаками освобождения музыкального искусства от декларации атеизма стало возвращение в концертную практику древнерусского храмового пения и произведений церковных композиторов прошлых времён. Самое же важное – начались плодотворные композиторские поиски современных средств выразительности, соответствующих задачам воплощения духовности в концертной музыке, возвращению в неё молит-

венного чувства (А. С. Караманов, Н. Н. Каретников, А. И. Микита, митрополит Иларион (Алфеев) и др.).

Таким образом, осознание «богодуховности» музыки не исчезло с рождением светской музыкальной культуры. Как пишет известный российский композитор В. П. Артёмов, «будучи первоначально преимущественно ритуальной, музыка разделилась на ритуальную и бытовую, что стало особенно явственным в средние века: при подчёркнутой оппозиции духа и тела ритуальная музыка связывалась с духом (её иногда называют «духовной»), бытовую же, как более чувственную, – с телом... В зазоре между противоположностями зародилась серьёзная музыка – появилась и стала бурно развиваться новая наука о человеке. Она связана исключительно с его духом, с глубочайшей его сущностью. Серьёзная музыка создаётся духом и для духа» [21, с. 11].

Тенденция освоения духовности в светских музыкальных жанрах. Итак, «серьёзная музыка создаётся духом и для духа!» При всей привлекательности этой высокой мысли, высказанной В. П. Артёмовым, следует признать: тенденции освоения духовности в светских музыкальных жанрах всегда имели противоречивый характер.

Начнём с изложения позиции современного музыковеда-богослова В. И. Мартынова, который неоднократно подчёркивал, что уже в древности родились предпосылки для оппозиции игры (подразумевается инструментальная музыка – Л. Р.) и богослужебного пения-молитвы. Исследователь полагает, что музыка как игра – это направленность вовне, к миру (то есть к воплощению

душевных состояний и эмоций самого композитора). Пение-молитва – обращённость внутрь, к Богу [4, с. 9–11]. Но можно ли при анализах великих произведений музыкального искусства исходить из вечного, непреодолимого противостояния «духовного» и «душевного»? И можно ли рассматривать духовность и душевность в светском музыкальном искусстве как две параллельные прямые, которые, словно по закону евклидовой геометрии, никогда не пересекутся? Кратко отвечая на данные вопросы в рамках настоящей статьи, укажем на примеры воплощения духовности в произведениях русской светской музыкальной классики.

Среди духовных ценностей русской классической музыки следует выделить соборность, поскольку именно с воплощения соборности в опере «Жизнь за царя» М. И. Глинки открывается новая эпоха развития русской национальной оперы. Не менее важно отметить духовный реализм, что позволило М. П. Мусоргскому в опере «Борис Годунов» открыть мир «внутреннего человека» с его борениями и страстями и, одновременно, с молитвенной устремлённостью к Богу. Но, пожалуй, самым ярким показателем «богодуховности» русской музыкальной классики является воплощение евангельской красоты Божьего мира, выраженной через мелодическое богатство русской музыки, поскольку именно мелодия с древности служила воплощением молитвенных чувств человека, поющего гимн своему Создателю. Достаточно вспомнить гениальные мелодические откровения П. И. Чайковского, С. В. Рахманинова (подробнее о духовных православных ценностях [22]). В недрах русской

классической композиторской школы сформировались средства музыкальной выразительности, воплотившие духовность в её изначальной религиозной цельности и вместе с тем в жизненном многообразии. История отечественного музыкального искусства богата и другими примерами соприкосновения «духовного» и «художественного». Историко-культурологический анализ этого творческого процесса будет неполным, если не отметить попытки философского осмысления и творческого претворения духовности вне смыслового поля национальных музыкальных традиций. Приведём примеры своеобразного «оппонирования» цитируемой ранее богословской литературе в теориях духовности мастеров Серебряного века.

Художник В. В. Кандинский оказался причастен к процессу развития представлений о духовности в музыкальном искусстве неслучайно. На первый взгляд его книга «О духовном в искусстве» [23] посвящена обоснованию философии новорожденной абстрактной живописи. Однако текст работы изобилует размышлениями о специфике музыки как самого духовного вида искусства. Кандинский пишет, что музыка, в отличие от живописи, изначально тяготеет к духовности, поскольку не связана с предметным миром и ей «незачем заимствовать для своего языка какие бы то ни было внешние формы» [Там же, с. 38–40]. Иначе говоря, историческое движение изобразительного искусства к вершинам духовности обусловлено способностью мастеров к использованию беспредметной «музыкальности» для освобождения художественного творчества от аналогий с окружающим миром. Неслучайно мастер дал

нелицеприятную оценку явления программности в музыкальном искусстве [Там же, с. 40].

Поисками «музыкальности» как аналога беспредметной «духовности» в её очищенности от реальности были охвачены и поэты-символисты. Об этом – у К. Д. Бальмонта:

В красоте музыкальности,
Как в недвижной зеркальности,
Я нашёл очертания снов... [24, с. 34].

Остаётся добавить, что наиболее ярко нехристианская трактовка духовности представлена в творчестве А. С. Скрябина, наделённого страстным символистским мироощущением и мечтавшего силою своего музыкального гения освободить человеческий дух от материального земного плена. Композитор искал духовность в мистике, эзотерических учениях и в теософии Е. П. Блаватской. Известно, что в симфоническом сочинении «Прометей» («Поэма огня») Скрябин хотел воплотить свои представления о демоническом начале Вселенной, идею воссоединения вечного зла и вечного творческого горения. Секрет творчества гения: философские «изыски» композитора давно забыты, а его музыка – ярчайшее свидетельство о вечных поисках русских художников духовных начал мироздания в его нерукотворной совершенной гармонии, красоте и величии.

Преобразование духовности в нравственность: ложный путь или открытие новых горизонтов музыкального образования?

Итак, историко-культурологический анализ русского музыкального искусства показал: на протяжении

многовекового развития в творческом наследии русских композиторов накоплен бесценный опыт освоения духовности как высшей данности человеческого Бытия. Получил ли этот опыт должное обобщение в современной педагогике музыкального образования? По нашему мнению, как уже отмечалось ранее, не получил. Однако это не означает, что в учебном процессе разных уровней (от общеобразовательной школы до музыкально-педагогического вуза) освоение музыки проходит вне духовного контекста. Для того чтобы разобраться в современном «прочтении» исследуемой категории в педагогическом пространстве России, необходима краткая характеристика изменений эстетического и творческого восприятия духовности, которые связаны с рождением светских форм отечественной музыкальной культуры в XVIII столетии. Именно тогда своеобразным, пусть далеко не полным, но всё же значимым отражением духовности стало понятие нравственности.

Преобразование духовности в нравственность и последующее доминирование нравственности как эстетической категории в общественном сознании имеют глубокие исторические корни. Начальный этап становления представлений о нравственности, заменившей духовность в религиозном её понимании, приходится на вторую половину XVIII столетия и связан с деятельностью Екатерины II (Великой). Её коронация в Москве (1763 год) запомнилась современникам грандиозным карнавалом, цель которого – прославить силу нравственных добродетелей и указать на гнусность пороков, в числе которых обман, не-

вежество, праздность, злословие и др. Закрепляя культ нравственности, исходящий от «философа на троне», в последующие десятилетия императрица создала ряд оперных либретто («Февей», «Федул с детьми, «Начальное управление Олега»), направленных на просвещение и нравственное назидание подданных. Иначе говоря, ещё на стадии формирования нравственности её трактовка была сугубо светской и существенно влияла на постепенную секуляризацию российского общества.

Здесь следует напомнить, что до середины XVII века Россия не знала светских форм развития культуры. Соприкосновение с европейским художественным опытом в силу различия духовных традиций проходило, в основном, в русле заимствования новых светских жанров. За несколько десятилетий сформировалась стилистика и художественная образность светского музыкального искусства. Характерно, что преобразование духовности в нравственность существенно повлияло на становление светских музыкальных жанров, связанных со словом. Так, в эстетике новорожденной русской комической оперы XVIII века (В. А. Пашкевич, Е. И. Фомин и др.) утверждался идеал добродетелей, которые воспринимались как нравственные законы общественной жизни [25].

Дальнейшее историческое развитие культа нравственности в русской художественной культуре дало неожиданные результаты, а именно: духовность и нравственность, отчасти разграниченные по степени принадлежности к церковному или светскому искусству, в творческой практике стали активно взаимодействовать.

Этот процесс получил законченное воплощение в произведениях светского классического искусства XIX века, где трактовка нравственности утратила свою мирскую «самостоятельность» и стала неотделимой от изначального духовного истока. Иначе говоря, нравственные вопросы, связанные с окружающей действительностью, в шедеврах русской классики замыкались на духовные, «вневременные», по смыслу ответы. Достаточно вспомнить творческое наследие А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, И. Н. Крамского, В. Д. Поленова, В. И. Сурикова, В. М. Васнецова, М. В. Нестерова и многих других. (О воплощении духовности в русской музыке было сказано ранее.)

Преобразование духовности в нравственность, впитавшую в себя многие ценностные основания христианского духовного мировидения, но не заменившую духовность в её высоком религиозном смысле, имело далеко идущие последствия для развития педагогической науки. Не затрагивая в данной статье широкий круг проблем, относящийся к сфере освоения духовности в дореволюционной музыкальной педагогике православной и светской ориентации (предмет специального исследования), отметим, что в наибольшей мере доминирование нравственности сказалось в развитии теории и практики музыкального обучения и воспитания советского времени. Вместе с тем именно обращённость к нравственным проблемам явилась основанием для возвращения в отечественную педагогику музыкального образования второй половины XX века категории духовности и связанных

с ней производных понятий. Попытаемся выделить те из них, что вошли (нередко в глубоко изменённом виде) в лексикон современной теории и практики музыкального обучения и воспитания.

Начнём с понятия «духовная культура», получившего широкое распространение в развитии философии. Например, в эпоху Серебряного века духовная культура представлялась как способность художников к мистическим озарениям и вдохновенному выражению «надмирных» образов и символов. Так, к освобождению духовной культуры «от гнёта социального утилитаризма» (иначе – реализма) призывал Н. А. Бердяев в своей известной работе «Русская идея» [26, с. 135].

Иная философская трактовка понятия «духовная культура», забытого в послереволюционные годы, принадлежит советскому философу М. С. Кагану, оказавшему серьёзное влияние на развитие методологических установок педагогики музыкального образования. В труде «Человеческая деятельность (Опыт системного анализа)» учёный последовательно анализирует триаду «материальная культура», «духовная культура» и «художественная культура» [27]. И в этом невольно напрашивается структурная аналогия с цитируемой ранее богословской работой архиепископа Луки Войно-Ясенецкого «Дух, душа, тело». При всей противоречивости материалистической доказательной базы анализа духовной культуры М. С. Каганом, следует отдать должное попытке автора в эпоху торжествующего атеизма вернуть в научный обиход представления о духовной составляющей человеческой деятельности.

В педагогике музыкального образования особое значение формированию духовной культуры подрастающих поколений придавал Д. Б. Кабалевский. Выдающийся советский композитор, создатель концепции музыкального воспитания детей, подростков и юношества, предложил возвысить процесс преподавания музыки в школе до уровня воспитания музыкальной культуры учащихся как неотъемлемой части всей их духовной культуры. Такая целевая установка программы по музыке для системы общего музыкального образования, разработанной под его руководством, была отчасти «расшифрована» в её тематизме, основных концептуальных положениях и музыкальном материале [28].

За последние годы в педагогике музыкального образования категория духовности «расшифровывается» с помощью таких понятий, как «духовная культура», «духовно-нравственная культура», «духовно-нравственное воспитание». При этом суть духовности в данных словосочетаниях исследователи и педагоги-практики предпочитают не раскрывать, оставляя «за скобками» её религиозные смыслы. Исключение составляют работы, предназначенные для религиозного православного образования. Например, Л. Л. Шевченко обосновала взаимодействие нравственности и духовности на основе анализа феномена духовно-нравственной культуры в нераздельности научного и религиозного знания [29].

Есть ли возможность при сохранении укоренившихся понятий («духовная культура», «духовно-нравственная культура», «духовно-нравственное воспитание») воссоединить не ис-

кажённое атеистическими наслоениями понимание духовности со смыслами педагогики музыкального образования? Думается, что дорогу осилит идущий! Подлинным прорывом в освоении духовных оснований музыкального искусства, имеющим огромное значение для педагогики музыкального образования, явилось исследование В. В. Медушевского «Духовный анализ музыки» [30]. В самом названии книги заявлено возвращение к исходному, высшему пониманию категории духовности, которое не требует дополнительной доказательной базы. Духовный анализ музыки представляется автору как долгожданное раскрытие «окна» в сферу Божественного Логоса, «в небесные логосные основания красоты, которая есть Евангелие» [Там же, с. 23]. Но если в древнерусской культурной традиции духовность рассматривалась как основа храмовой музыки, то Медушевский идёт гораздо дальше, распространяя духовный анализ на весь континуум высокого музыкального искусства. Убедительные выводы учёного открывают новые возможности рассмотрения категории духовности в современном музыкальном образовании. И первым шагом на этом пути должно стать включение духовности в категориальный аппарат профессиональной подготовки будущих учителей музыки с последующей «расшифровкой» её подлинных богословских и педагогических смыслов в соответствующих учебных предметах. Речь идёт о создании новых образовательных программ подготовки учителей музыки, в основу которых должны быть положены следующие реалии современной педагогики музыкального образования:

1. Признание многовекового опыта творческого воплощения духовности в музыкальном искусстве.

2. Светский характер подготовки будущих учителей музыки в педагогическом университете, что не исключает освоения категории духовности в её изначальном богословском смысле.

3. Инвариантность категории духовности в контексте светского музыкального образования, что выражается в использовании круга понятий, традиционно объединяющих духовность и нравственность («духовно-нравственное воспитание» и «духовно-нравственная культура»).

Примером может служить магистерская программа «Музыкальное искусство и образование в контексте современной культуры» (в рамках направления 44.04.01 – Педагогическое образование), которая разработана на кафедре методологии и технологий педагогики музыкального образования Института изящных искусств Московского педагогического государственного университета. Актуальность программы обусловлена следующими соображениями:

1. Формирование духовно-нравственных установок подрастающих поколений сегодня является главной задачей национальной безопасности России. Этот процесс тесно связан с духовной составляющей высшего педагогического образования, в том числе музыкально-педагогического. Поэтому его содержание предполагает освоение категории духовности и производных педагогических понятий (духовная культура, духовно-нравственное воспитание, духовно-нравственная культура) на основе диалога религиозного и научного знания.

2. В настоящее время в современной культуре России наблюдается интенсивный процесс становления и развития музыкального образования православной ориентации, свидетельством которого является появление таких учреждений как: православные общепедагогические учебные заведения, воскресные школы, гимназии с углублённым изучением русской музыкальной культуры и искусства. Однако в вузовской музыкально-педагогической подготовке студентов содержание и организация музыкального образования в этих учреждениях ещё не получили адекватного отображения.

3. Востребованность педагогов-музыкантов широкого профиля предопределяет необходимость разработки магистерских программ культурологической направленности, позволяющих выпускникам свободно ориентироваться как в светском, так и в религиозном музыкально-образовательном пространстве России.

Цель магистерской программы – освоение универсальной категории духовности в музыкальном искусстве и образовании в её традиционной религиозной и современной научной трактовках.

Социальная роль (миссия) магистерской программы «Музыкальное искусство и образование в контексте современной культуры» заключается в подготовке музыкантов-педагогов к продуктивной профессиональной деятельности в области современной педагогики музыкального образования светской и религиозной ориентации.

Содержание программы включает три взаимосвязанных компонента, отражающих востребованные в России сферы деятельности педагога-музыканта, а именно:

1. *Музыкально-педагогический компонент* – «Классические основы российской педагогики музыкального образования» – в своей целевой установке направлен на расширение профессионального кругозора учителей музыки в сфере духовной культуры, духовно-нравственной культуры и духовно-нравственного воспитания.

2. *Религиозно-духовный компонент* – «Музыка в контексте православной культуры» – сориентирован на формирование представлений о духовности музыкального искусства, особенностях его изучения в воскресных школах и в системе дополнительного образования с русской православной составляющей.

3. *Культурологический компонент* – «Музыка в контексте мировой художественной культуры» – нацелен на рассмотрение особенностей трактовки категории духовности в содержании курсов «Мировая художественная культура», «Искусство» и др.

Таким образом, магистерская программа «Музыкальное искусство и образование в контексте современной культуры» направлена на формирование профессиональной компетентности педагога-музыканта в соответствии с представлениями о духовных началах музыки и музыкального образования, попытка обо-

снования которых предпринята в настоящей статье.

Заключение

Завершить статью хочется не дальнейшей констатацией всех результатов проделанного анализа (частично она была сделана ранее в основном тексте), а словами И. Ф. Стравинского: «Не знаю, была ли церковь самым мудрым покровителем музыки или нет, хотя и думаю, что была; в церкви мы совершаем меньше музыкальных грехов, она была богата музыкальными формами <...>. Это не просто музыкальные формы, но части музыкального духа, изъяты из употребления» [31, с. 275]. Ещё более конкретно тенденцию «изъятия» музыкального духа из творческой и, как следствие, из музыкально-педагогической практики обозначил В. В. Медушевский: «В музыке с очевидностью осуществляется генеральный выбор человечества – сияние славы Божией в мире или злая дьявольская пародия на неё: красота или безобразие, музыка или её низменная симуляция». И далее: «Онтологическую природу музыки стараются ныне не видеть. Однако ради нашей слепоты она не перестаёт быть языком интонационного богословия – истинного или дьявольского» [30, с. 28].

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II*. Основы православного образования в России // Государственный листок № 5, ноябрь, 2001. 24 с.
2. *Пастернак Б. Л.* Стихотворения и поэмы. М.: ГИХЛ, 1961. 374 с.
3. *Кошмина И. В.* Русская духовная музыка: Пособие для студентов музыкально-педагогических училищ и вузов. В 2 книгах. Кн. 2: Программы. Методические рекомендации. М.: ВЛАДОС, 2001. 160 с.
4. *Мартынов В. И.* Пение, игра и молитва в русской богослужбно-певческой системе. М.: Филология, 1997. 207 с.

5. Николаева Е. В. Музыкальное образование в России: историко-теоретический и педагогический аспекты. Монография. М.: Ритм, 2009. 408 с.
6. Фомина З. В., Морозова А. А. О новом ракурсе изучения духовной традиции в русском музыкальном искусстве в контексте музыкально-исторического образования // Вестник кафедры ЮНЕСКО «Музыкальное искусство и образование». 2017. № 1 (17). С. 67–76.
7. Шишкина Л. В. Музыкальное образование в Древней Руси XV–XVII веков (По древнерусским певческим учебным пособиям). М.: ВЛАДОС, 2012. 167 с.
8. Александрова В. Г. Христианское учение и развитие педагогической мысли. М.: Изд. МГУ, 2003. 224 с.
9. Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. и писем: В 6 т. Т. 2. РАН. Ин-т мировой литературы им. М. Горького. М.: Классика, 2003.
10. Лука (Войно-Ясенецкий). Дух, душа, тело / Архиепископ Лука Войно-Ясенецкий / предисл. М. А. Поповского. Брюссель: Жизнь с Богом, 1988. 173 с.
11. Страсти и борьба с ними: по трудам святителя Феофана Затворника. / сост. игумен Феофан (Крюков). М.: Даниловский благовестник, 2011. 328 с.
12. Святитель Игнатий Брянчанинов / сост. А. А. Маркова. М.: Благовест, 2012. 432 с.
13. Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Христианская философия. М.: Отчий дом, 2011. 240 с.
14. Абдуллин Э. Б. Методология педагогики музыкального образования: учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений. 3-е изд., испр. и доп. М.: Гном, 2010. 416 с.
15. Мень А. Вера и культура // Радостная весть. Лекции. Вып. 1. М.: ВИТА-ЦЕНТР, 1992. С. 241–248.
16. Рапацкая Л. А. «Четвёртая мудрость»: о музыке в культуре Древней Руси. М.: Музыка, 1996. 181 с.
17. Музыкальная эстетика западноевропейского Средневековья и Возрождения / сост. текстов и общая вступ. статья В. П. Шестакова. М.: Музыка, 1966. 575 с.
18. Серегина Н. С. Музыкальная эстетика Древней Руси (по памятникам философской мысли) // Вопросы теории и эстетики музыки. Вып. 13. Ленинград: Музыка, 1974. 240 с.
19. Рыцарева М. Г. Композитор Д. Бортнянский: Жизнь и творчество. Ленинград: Музыка, 1979. 256 с.
20. Рапацкая Л. А. Православный музыкальный ренессанс в отечественном искусстве и образовании: диалог культур // Ценности и смыслы, 2017. № 5 (51). С. 32–43.
21. Артёмов В. П. Рукопись. Цит. по: Н. А. Гаврилова. Сакральная тематика в музыке XX века. М.: Доленко, 2014. 142 с.
22. Рапацкая Л. А. Воплощение православных ценностей в русском классическом музыкальном наследии и их воспитательный потенциал // Вестник кафедры ЮНЕСКО «Музыкальное искусство и образование». 2016. № 1. С. 27–41.
23. Кандинский В. В. О духовном в искусстве. М.: Архимед, 1992. 109 с.
24. Русская поэзия XX века. Антология русской лирики первой четверти XX века. М.: Амирус, 1991. 671 с.
25. История русской музыки. В десяти томах. Том третий. XVIII век. Часть вторая. Авторы тома: Б. В. Доброхотов, Ю. В. Келдыш, О. Е. Левашева и др. М.: Музыка, 1985. 424 с.
26. Бердяев Н. А. Русская идея // Вопросы философии. 1990. № 2. С. 87–154.
27. Каган М. С. Человеческая деятельность (Опыт системного анализа). М.: Издательство политической литературы, 1974. 328 с.

28. *Кабалевский Д. Б.* Основные принципы и методы программы по музыке для общеобразовательной школы // Программа по музыке (с поурочной методической разработкой) для общеобразовательной школы. 1–3 классы. М.: Просвещение, 1981. С. 3–36.
29. *Шевченко Л. Л.* Духовно-нравственная культура. Основы православной культуры. Учебное пособие для студентов вузов. М.: Центр поддержки культурно-исторических традиций Отечества, 2014. 400 с.
30. *Медушевский В. В.* Духовный анализ музыки. М.: Композитор, 2014. 630 с.
31. *Стравинский И. Ф.* Диалоги: Воспоминания. Размышления. Комментарии. Ленинград: Музыка, 1971. 414 с.

Поступила 20.01.2020; принята к публикации 17.02.2020.

Об авторе:

Рапацкая Людмила Александрова, профессор кафедры методологии и технологий педагогики музыкального образования Института изящных искусств Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский педагогический государственный университет» (МПГУ) (*улица Малая Пироговская, 1, строение 1, Москва, Российская Федерация, 119991*), доктор педагогических наук, кандидат искусствоведения, профессор, obris-lar@inbox.ru

Автором прочитан и одобрен окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. His Holiness Patriarch Alexy II of Moscow and All Russia. *Osnovy pravoslavnogo obrazovaniya v Rossii* [Fundamentals of Orthodox Education in Russia]. Derzhavny listok № 5. November 2001. 24 p. (in Russian).
2. Pasternak B. L. *Poems*. Moscow: GIHL Publ., 1961. 474 p. (in Russian).
3. Koshmina I. V. *Russkaya dukhovnaya muzyka* [Russian Spiritual Music]. Manual for students of music and pedagogical schools and universities. In 2 books. Book 2: Programs. Methodological recommendations. Moscow: VLADOS Publ., 2001. 160 p. (in Russian).
4. Martynov V. I. *Peniye, igra i molitva v russkoy bogoslužebno-pevcheskoy sisteme* [Singing, Playing and Prayer in the Russian Liturgical and Singing System]. Moscow: Filologiya Publ., 1997. 207 p. (in Russian).
5. Nikolaeva E. V. *Muzykal'noye obrazovaniye v Rossii: istoriko-teoreticheskiy i pedagogicheskiy aspekty* [Music Education in Russia: Historical, Theoretical and Pedagogical Aspects]. Monograph. Moscow: Ritm Publ., 2009. 408 p. (in Russian).
6. Fomina Z. V., Morozova A. A. About a New Angle of Study of Spiritual Tradition in Russian Music Art in the Context of Music-Historical Education. *Vestnik kafedry UNESCO "Muzykal'noe iskusstvo i obrazovanie" = Bulletin of the UNESCO Chair "Musical Arts and Education"*. 2017, no. 1(17), pp. 67–76 (in Russian).
7. Shishkina L. V. *Muzykal'noye obrazovaniye v Drevney Rusi XV–XVII vekov. (Po drevnerusskim pevcheskim uchebnym posobiyam)* [Music Education in Ancient Russia of the XV–XVII Centuries (According to Ancient Russian Singing Manuals)]. Moscow: VLADOS Publ., 2012. 167 p. (in Russian).

8. Aleksandrova V. G. *Khristianskoye ucheniye i razvitiye pedagogicheskoy mysli* [Christian Teaching and Development of Pedagogical Thought]. Moscow: MSU Publ., 2003. 224 p. (in Russian).
9. Tiutchev F. I. *Complete works and letters*. In 6 volumes. A. M. Gorky Institute of world literature RAS, Moscow: Klassika Publ., 2002 (in Russian).
10. Luka (Voyno-Yasenetsky). *Dukh. dusha. telo* [Spirit, Soul, Body]. *Arkhiepiskop Luka Voyno-Yasenetskiy* [Archbishop Luke Voyno-Yasenetsky]. Preface by M. A. Popovsky. Brussels: Zhizn s Bogom Publ., 1988. 173 p. (in Russian).
11. *Strasti i bor'ba s nimi: po trudam svyatitelya Feofana Zatvornika* [Passion and struggle with them: according to the works of Saint Theophan the Recluse]. Comp. by Hegumen Theophan (Kryukov). Moscow: Danilovsky blagovestnik Publ., 2011. 328 p. (in Russian).
12. *Svyatitel Ignatiy Bryanchaninov* [Saint Ignatius of Bryanchaninov] Comp. by A. A. Markova. Moscow: Blagovest Publ., 2012. 432 p. (in Russian).
13. Saint John of Kronstadt. *Khristianskaya filosofiya* [The Christian Philosophy]. Moscow: Otchiy dom Publ., 2011. 240 p. (in Russian).
14. Abdullin E. B. *Metodologiya pedagogiki muzykal'nogo obrazovaniya* [Methodology of Pedagogy of Music Education]. Textbook for students of higher educational institutions. 3rd edition revised and supplemented. Moscow: Gnom Publ., 2010. 416 p. (in Russian).
15. Men A. *Vera i kultura* [Religion and Culture]. *Radostnaya vest* [Glad tidings]. Lectures. Issue 1. Moscow: VITA-CENTRE Publ., 1992, pp. 241–248 (in Russian).
16. Rapatskaya L. A. “*Chetvertaya mudrost'*”: *o muzyke v kulture Drevney Rusi* [“The Fourth Wisdom”: About Music in the Culture of Ancient Russia]. Moscow: Muzyka, 1996. 181 p. (in Russian).
17. *Muzykal'naya estetika zapadnoevropeyskogo Srednevekov'ya i Vozrozhdeniya* [Musical Aesthetics of the Western European Middle Ages and Renaissance] Compile and general introductory article by V. P. Shestakov. Moscow: Muzyka Publ., 1966. 575 p. (in Russian).
18. Seregina N. S. *Muzykal'naya estetika Drevney Rusi (po pamyatnikam filosofskoy mysli)* [Musical Aesthetics of Ancient Russia (On Monuments of Philosophical Thought)]. *Voprosy teorii i estetiki muzyki* [Questions of theory and aesthetics of music]. Iss. 13. Leningrad: Muzyka Publ., 1974. 240 p. (in Russian).
19. Rytsareva M. G. *Kompozitor D. Bortnyansky: Zhizn' i tvorchestvo* [Composer D. Bortniansky: Life and Work]. Leningrad: Muzyka Publ., 1979. 256 p. (in Russian).
20. Rapatskaya L. A. *Pravoslavnyy muzykal'nyy renessans v otechestvennom iskusstve i obrazovanii: dialog kul'tur* [Orthodox Musical Renaissance in Russian Art and Education: Dialogue of Cultures]. *Tsennosti i smysly* [Values and meanings]. 2017, no. 5 (51). pp. 32–43 (in Russian).
21. Artemov V. P. *Rukopis'. Tsit. po: N. A. Gavrilova. Sakralnaya tematika v muzyke XX veka* [The Manuscript. Cited by: N. A. Gavrilova. Sacred Themes in the Music of the Twentieth Century]. Moscow: Dolenko Publ., 2014. 142 p. (in Russian).
22. Rapatskaya L. A. The Realization of the Orthodox Christian Values in the Russian Classical Musical Heritage and its Moral Potential Capacity. *Vestnik kafedry UNESCO “Muzykal'noe iskusstvo i obrazovanie” = Bulletin of the UNESCO Chair “Musical Arts and Education”*. 2016, no. 1(13), pp. 27–41 (in Russian).
23. Kandinsky V. V. *O dukhovnom v iskusstve* [About the Spiritual in Art]. Moscow: Arkhimed Publ., 1992. 109 p. (in Russian).
24. *Russian Poetry of the XX Century. Anthology of Russian Lyrics of the First Quarter of the Twentieth Century*. Moscow: Amirus Publ., 1991. 671 p. (in Russian).

25. *Istoriya russkoy muzyki* [History of Russian Music]. In 10 vols. Vol. 3. XVIII century. Part 2. Authors of the volume: B. V. Dobrokhotoy, Yu. V. Keldysh, O. E. Levasheva et al. Moscow: Muzyka Publ. 1985. 424 p. (in Russian).
26. Berdyaev N. A. Russkaya ideya [Russian Idea]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. 1990, no. 2, pp. 87–154 (in Russian).
27. Kagan M. S. *Chelovecheskaya deyatelnost' (Opyt sistemnogo analiza)* [Human activity (Experience of system analysis)]. Moscow: Publishing House of political literature, 1974. 328 p. (in Russian).
28. Kabalevsky D. B. *Osnovnyye printsipy i metody programmy po muzyke dlya obshcheobrazovatelnoy shkoly* [Basic Principles and Methods of the Music Program for Secondary Schools]. Program for the subject “Music” (with methodological recommendations for the lessons) for secondary school, 1-3 classes. Moscow: Prosveshcheniye Publ., 1981, pp. 3–36 (in Russian).
29. Shevchenko L. L. *Dukhovno-nravstvennaya kultura. Osnovy pravoslavnoy kultury*. [Spiritual and Moral Culture. Fundamentals of Orthodox Culture]. Textbook for University students. Moscow: Center for support of cultural and historical traditions of the Fatherland Publ., 2014. 400 p. (in Russian).
30. Medushevsky V. V. *Dukhovnyy analiz muzyki* [Spiritual Analysis of Music]. Moscow: Kompozitor Publ., 2014. 630 p. (in Russian).
31. Stravinsky I. F. Dialogi: *Vospominaniya. Razmyshleniya. Kommentarii* [Dialogues: Memories. Musings. Comments]. Leningrad: Muzyka Publ., 1971. 414 p. (in Russian).

Submitted 20.01.2020; revised 17.02.2020.

About the author:

Lyudmila A. Rapatskaya, Professor at the Department of Methodology and Technology of Music Education of Art Institute of Moscow Pedagogical State University (MPGU) (*Malaya Pirogovskaya Street, 1/1, Moscow, Russian Federation, 119991*), Doctor of Pedagogical Sciences, PhD in Arts, Professor, obris-lar@inbox.ru

The author has read and approved the final manuscript.